

Бесогон на взводе!

Автор:

Андрей Белянин

Бесогон на взводе!

Андрей Олегович Белянин

Изгоняющий бесов #3

Я сам не понимаю, что тут у нас происходит...

Безрогий красавчик Анчутка стреляет в чертей, рыжая Марта охотится на вампиров, хотя она же ангел, ей нельзя! Или уже можно? Система безмолвствует.

В храм врзается дурная тётка в неглиже, сержант Бельдыев хватается за табельное оружие, бесогонны поднимают бунт, демонесса Якутянка опять ходит голой, отец Пафнутий признаётся во всём, его седая внучка Даша Фруктовая целит мне в лоб из охотничьего ружья!

В общем, бесы правят бал, а мой верный доберман Гесс...

– Кусь их всех?!

Андрей Белянин

Бесогон на взводе!

Ночь. Темнота. Характерные больничные запахи.

Мягкая тишина, прерываемая лёгким поскуливанием.

Холодный кожаный нос тычется в мою ладонь. Я лежу на спине, сна нет, мне тепло, дыхание ровное, но неглубокое, иначе сразу появляется режущая боль в боку справа. Скорее всего, рёбра сломаны, такое уже было. Надо как-то перетерпеть.

Память возвращается медленно, урывками, но хотя бы по порядку.

Например, кто я? Тут всё просто, хоть и не сразу, я – Фёдор Фролов по прозвищу Теодоро, для друзей Тео, бывший представитель чёрной готской субкультуры. Потом, кажется, ещё философ, по крайней мере, меня этому где-то серьёзно учили. А после этого я был солдатом-сверхсрочником, снайпером в спецчастях, отметился в Махачкале, прошёл до Хасавюрта, серьёзно ранен, имею две награды. Но, кажется, жизнь внятно объяснила мне, что война – это не моё.

Сейчас я не гот и не солдат, я скромный послушник в стареньком храме заснеженного села Пияла Архангельской области, служу при отце Пафнутии. Он хороший человек, всё понимает, сам из семьи военных и меня учит. Это основное. Или нет, что-то забылось?

Говорят, будто бы мозг человека после стрессовых ситуаций порой непреднамеренно пытается избавиться от неприятных воспоминаний. Возможно, это произошло и в данном случае. Словно кто-то вырезал кусок киноплёнки из моей памяти, но почему-то я даже не хочу знать, какой именно и кто конкретно это сделал. Пусть всё останется вот так...

– Лизь тебя, – ворчливо прошептал знакомый голос. – Ты дышишь, значит, ты не умер. Если я тебя ещё два раза лизь, мы пойдём гулять?

Гуляют обычно с детьми, так что это, видимо, чей-то настырный ребёнок. У меня детей нет, я уверен. Или получается, что уже есть? Декарт мне в печень, глаза не хотят открываться. Наверное, всё это сон, спасительный, лечащий сон...

Спать у меня сейчас лучше всего получается, хотя именно в снах иногда приходит понимание того, что со мной произошло и почему я не хочу об этом вспоминать. Один такой сон я не мог выкинуть из головы. Остальные смог, а его – нет. Он пробил мне оба виска, словно длинный гвоздь, и до сих пор

ледяной сталью обжигает мозг.

Я словно бы видел себя со стороны в жуткой толпе рогатой нечисти, когда самые страшные кошмары становятся реальностью: мой револьвер разряжен, кулаки сбиты в кровь, противник не убывает, а прямо передо мной скалит чудовищные клыки собака самого дьявола. Мне никогда не забыть яростный огонь тех глаз, в них отражалась сама преисподняя, а серное дыхание из звериной пасти отравляло воздух...

- Тео, я тут, я тебе вкусняшки принёс. Я их не съел, я хотел, но не съел, ты же мой друг, на! Кусь их! А я тебе ещё и лапку дам, вставай!

Поскуливание стало громче, может, это не ребёнок вовсе? Ну не знаю тогда кто, может, какая-нибудь говорящая собака? Глупо, конечно, но почему сразу нет? Что с того, что собаки так не умеют, мир вокруг нас невероятно сложен и изменчив.

Помните, как английский писатель-философ-священник Джонатан Свифт вполне аргументированно доказывал, что лошади разговаривают, красочно описывая их язык? Да и фантаст-географ Жюль Верн считал, что собачья пасть гораздо лучше подходит для произношения слов, чем, к примеру, клюв попугая.

Если каким-то одним животным разговаривать можно, то почему никаким другим нельзя? Я бы разрешил. Хотя кто бы и зачем стал спрашивать у меня разрешения?

Снова темнота. Другой голос...

- Как он?

- Не хочет играть, лежит, не взял вкусняшки, не узнаёт меня, обижает собаченьку! Погладь мой зад?

- Фу, Гесс, иди отсюда. Сядь в углу, я сама.

Что-то невероятно лёгкое и нежное коснулось моего лба. Нет, это не была человеческая рука, скорее какой-то предмет, возможно, лебединое перо? Или я

просто не заметил, как умер, а сейчас меня осматривают ангелы? Не знаю. Зачем бы я им, вообще без понятия...

Но что-то плавно сдвинуло меня в сторону, вытряхнуло сознание из тела, томно завораживая ставшую сладкой боль, потом закружило, подняв выше звёзд в искристые вихри, в разноцветные облака северного сияния. И вдруг без предупреждения так резко бросило вниз, что у меня зубы клацнули, я резко сел на больничной койке, вытаращив глаза и задыхаясь, словно от удара конским копытом в солнечное сплетение.

- Диоген мне в бочку-у! Где я?

Дневной свет ударил по глазам, знакомое место, кажется, мне уже доводилось бывать в этой палате. Сюда ещё заходил такой обстоятельный мужчина, главный врач, мм... Николай Вениаминович, да?

- Тео! Я тебя лизь!

- Гесс?

В следующую секунду здоровенный комок каменных мышц и самых твёрдых лап на свете попросту сбил меня в прыжке, закатил под кровать и вылизал от шеи до ушей. О, как же я был счастлив вновь видеть эту несносную псину! Самого лучшего добермана на свете и самого верного друга, о котором только может мечтать человек!

На восторженный лай моего пса вкуче с грохотом моего же тела, стула, столика с посудой, чашек, тарелок, пузырьков и чего-то ещё металлического, не успел рассмотреть, раздался тревожный звонок сигнализации.

- Ох, боже ж ты мой, говорили же, что с собакой нельзя! Укусил вас этот кобель, да? - В палату квохча вбежала полная медсестра в зелёном халате. - Я сейчас врача вызову!

- Не надо, он не кусается.

– Неправда, кусаюсь ещё как, – искренне удивился доберман. – Обижаешь собаченьку...

Женщина неуверенно замерла. Я цыкнул зубом на не вовремя разболтавшегося Гесса, попытался встать, держась за кровать, и едва не взвыл от боли – забинтованный локоть левой руки обожгло жидким огнём. Рёбра откликнулись секундой позже.

– Нет, не вставайте, я помогу. – Медсестра кинулась вперёд, осторожно обошла насупленного добермана и, едва ли не приподняв меня на руках, легко усадила на койку.

– У вас сильное растяжение, повезло ещё, что связки не порвали. Плюс два ребра сломаны, на третьем трещина, но хоть удачно, могло быть хуже. А уж мелких и глубоких порезов по всему телу, о-ох... Хирурги над вами колдовали часов шесть, наверное. Вы ведь в аварию попали, да?

– Э-э, наверное, да, – зачем-то согласился я, хотя Гесс опять-таки сделал в мою сторону круглые глаза. – Похоже, со мной в одну бетономешалку засунули пятьдесят сумасшедших кошек.

– И не говорите, вам повезло, что в хорошую клинику попали вовремя. Сидите тут, скоро завтрак принесут. Вы голодный? Это хорошо, значит, выздоравливаете.

Собственно, она сама за меня всё решила, но да, есть, честно говоря, хотелось.

Когда дверь за женщиной закрылась, мы перешли на заговорщический шёпот.

– Гесс, сколько я тут валяюсь?

– Третий день, – честно ответил он.

Хм, я-то думал, что нахожусь в больнице никак не меньше недели. Но при современном уровне медицины, опытных врачах, правильном уходе и молодом организме, наверное, так и есть, три дня – и оклемался. Хорошо, с этим разобрались, идём дальше.

– Как мы здесь оказались?

Это мой короткохвостый друг и напарник знал. По его словам выходило, что мы с ним где-то охотились на нехороших бесов, накрыли большую банду или шайку, дрались там со всеми, всех победили, потом я хлопнул ладонью по карте джокера, и нас перенесло в коридор Системы. Трое мужчин, сидящих в очереди, подхватили меня уже бессознательного, на руках занесли в кабинет, а там был чёрный ангел, который и вызвал помощь.

Потом приехала «скорая», Гесса, разумеется, никто не смел прогнать, да и главврач клиники за него заступился. Я ведь уже лежал тут, так что нас с доберманом немножечко знали. Оставался ещё один вопрос, который жутко хотелось бы прояснить.

– Ты что-то говорил про бесов, это кто?

Доберман шагнул вперёд и, встав на задние лапы, приложил переднюю правую мне ко лбу. В его круглых глазах была тревога.

– погоди, я серьёзно. Реальные такие бесы с рожками и хвостиками, как из книжек? Ты в них веришь, что ли?

– А то ты не веришь? – удивился он.

– Я столько не пью и наркотиками не балуюсь.

– Не видишь бесов, не веришь в них... Тео, я тебя люблю, что же с тобой сделали?!

Мне не оставалось ничего, кроме как обхватить за шею верного пса. Я ничуть не сомневаюсь в том, что он видел то, что видел. Здесь тема в другом: почему он так свято уверен, будто бы и я обязан это видеть? Данный вопрос равно психологический, как и философский.

По идее, способность видеть, осязать, чувствовать параллельные миры и паранормальные явления довольно часто приписывают животным на уровне метафизики. Причём щедро сдобренной глупыми деревенскими суевериями или

околонаучными веяниями. Уже смешно, как образованный человек я обычно на этом поле не играю.

В конце концов, если философия подразумевает любовь к отвлечённому мышлению, то, с одной стороны, это даёт возможность свободного осмысливания любых, даже самых парадоксальных точек зрения, а с другой – совершенно не обязывает принимать их безоговорочно, невзирая на любые, даже самые высокие авторитеты. Тут уж, простите, нам для чего-то дан разум...

Критическое восприятие реальности (как и нереальности) является одним из важнейших, если не ключевых отличий человека разумного от животного. Я же прав?

– Прав, – ответил я сам себе и добавил: – А ещё ты разговариваешь с бесхвостой собакой, и она тебе отвечает. По-моему, это тревожный звоночек. Недаром один пьяный бомж на Московском вокзале в Санкт-Петербурге кричал мне вслед, что экзистенциальное кафкианство до добра не доведёт, ибо изначально деструктивно по сути!

– Тео, ты с кем разговариваешь? – мгновенно наострил уши доберман.

Лысина Сократова! Видимо, сам с собой и своими же глюками.

– Доброе утро, больной. – В дверях показалась новая медсестра, очень милая девушка лет двадцати – двадцати трёх от силы. Она вкатила капельницу и улыбнулась мне. – Пациент Фёдор Фролов, сейчас завтрак принесут, а я вам пока седативное поставлю, не волнуйтесь, это не помешает.

– Спасибо, – ответно улыбнулся я и замер на полуслове, потому что в пластиковом пакете, к которому вела прозрачная гибкая трубка, явно что-то плавало. То ли захлебнувшийся воробей, то ли дохлая мышь, то ли просто случайный кусок грязи. Но это же ненормально, да?

– Простите, а что за препарат?

– Успокоительное. Будете лучше спать, избавитесь от тревожности, ну и для иммунитета как общеукрепляющее полезно.

- Погодите, мне кажется или у вас там мусор какой-то булькает?

- Где?

- Да вот же. - Я ткнул пальцем в тёмный комок.

Молоденькая медсестра проследила за моим взглядом, недоуменно пожала плечами и слегка насупилась:

- Ничего там нет, чистый состав, у нас знаете как строго с гигиеной. За одно нарушение может и глава отделения полететь.

- Но... я же вижу.

Гесс зарычал, словно бы полностью поддерживая мою правоту. Круглые глаза пса также вперились в капельницу, а верхняя губа нервно подёргивалась над клыками. Получается, он тоже это видит? Но кого или что?

- Тео, там, в мешке, голый бес купается. Может, он уже даже и напрудил. Не надо ничего в себя капать.

Медсестра обернулась ко мне с иглой:

- А у вас так здорово получается за собаку говорить! Вы артист, наверное, у нас тут много знаменитостей бывает: писатель Василий Головачёв, актриса Лиза Боярская, ещё Алексей Воробьёв, певец такой, всякие другие. Закатайте рукав.

- Девушка, извините, я не буду.

- Чего не будете?

- Прокапываться.

- Отказываетесь от процедуры?

- Э-э, да, – решительно определился я, скрещивая руки на груди – международный знак протеста и ухода в себя.

- Это неразумно, доктор лучше знает, что вам сейчас необходимо. – Тонкие стальные пальцы сжали моё плечо. – Ложитесь, пожалуйста.

Я нипочём не ожидал бы от миловидной, хрупкой на вид девушки такой нереальной силы. Моё тело отреагировало на автомате, не дожидаясь команды мозга.

- Прошу вас, погодите, пожалуйста. – Я скинул её хват, перекатываясь через кровать и принимая оборонительную стойку. – Можно попросить ко мне главного врача?

- Николай Вениаминович занят, у него совещание. – Личико медсестры странно вытянулось, а между розовых губ вдруг мелькнул длинный раздвоенный язык. – Лягте сию же минуту, капельница – это не больно.

- Ни за что!

- Пациент Фролов, вы начинаете меня нервировать, а нервная медсестра может с первого раза и не попасть в вену.

- Гесс, – позвал я, поскольку девушка загораживала спиной выход, так что пробиться к двери было проблематично. – Приятель, помоги-ка мне!

- Сам выкручивайся, – неожиданно объявил этот короткохвостый изменник. – Бесов он не видит. Мне их за тебя кусь? Не буду.

- Гесс?!

- Я обиделся.

- Да на что же?! – взвыл я, с великим трудом уворачиваясь от гибкой петли с той же капельницы, которую молоденькая медсестра со странностями вдруг попыталась набросить мне на шею.

Та грязно-серая субстанция, которую мой пёс почему-то назвал бесом, заколыхалась, словно бы подпрыгивая и хлопая в ладоши. Память так и не желала возвращаться, будто блоковская капризница, то приближая к себе, то убегая со смехом из подсознания.

Зато мышечная память тела, казалось бы, абсолютно точно знала, что и зачем делает. От двух тычковых ударов иглой я уклонился, на третьем перехватил запястье девушки, вывернул его, рубанул ребром ладони в локтевой сгиб и едва не рухнул на пол от боли!

Меня же предупреждали о травме рёбер, коварная вещь, я увлёкся и почти потерял сознание от резкости собственных движений. Что же тут происходит-то?

Медсестра ловко вывернулась, демонически захохотала рокоchущим басом и рыбкой бросилась на меня сверху. Я укатился под кровать, а эта мерзавка, выпустив носом пар, ударила в пол каблучком с такой силой, что на коричневом линолеуме пошли трещины. Не знаю, почему и как, не спрашивайте, по идее он гибкий.

– Гесс, скотина ты эдакая...

– Ничего не знаю, не обижай собаченьку.

– Ты мне pomoжешь уже или нет?!

– Один раз кусь, – честно предупредил он и укусил за ногу. Но не её, а меня!

– А-а-ай, мать твою за химок и в дышло! Какого хрена... ты... пряник гнойный... тут... свою же... через... в... всем селом драли... чтоб тебя... четыре раза с пируэтами!!

Не помню, кстати, преподавали ли преподаватели (смешно звучит) нам мат в университете? По идее, должны были бы, сколько помню, ребята с параллельных курсов филологии или истории хвастались, что сдают зачёт по теме «Мат как неотъемлемый, яркий и эмоционально-насыщенный пласт русской лексики, табуированный в приличном обществе, но не отрицаемый даже самими

целомудренными учёными занудами», ни больше ни меньше.

Матом в нашей стране можно добиться если и не всего, то уж как минимум многого. И, к моему немалому изумлению, оно тоже сработало в этой ситуации.

– Ой, – тихо сообщила мне медсестра, сидя на полу в распахнутом халатике и белой шапочке набекрень. – А вы кто?

– Фёдор Фролов, снайпер и гот, для друзей Тео, – неуверенно ответил я, всё ещё морщась от боли в рёбрах. – Вы тут, кажется, капельницу забыли.

– Какую капельницу? Зачем? Я вообще в офтальмологии работаю.

– А-а, бывает, – медленно протянул я, первым вставая и подавая ей руку. – Тогда вам пора. Здесь, наверное, травматология какая-нибудь или что-то в этом роде.

Из упавшей на пол капельницы наружу выбрался жирный омерзительный бес в струпьях и разноцветных язвах. Теперь я отлично видел эту поганую тварь. Мой доберман тоже, поскольку быстро пришлёпнул беса тяжёлой лапой, только мокрым брызнуло...

– Так я пойду?

Вежливо проводив милую, хоть и слегка пришибленную девушку до дверей, я осторожно выглянул в коридор. Пока медсестричка, слегка спотыкаясь и держась за стены, ковыляла в своё отделение, та возрастная женщина, что вызвалась принести мне завтрак, тупо сидела за столиком дежурной, уставясь в противоположную стену.

Взгляд абсолютно пустой, в руках застыл пластиковый поднос с тарелкой остывшей гречневой каши и полным стаканом компота. По-моему, это выглядело несколько жутковато.

– Прости, – первым делом сказал я, когда вернулся назад.

Доберман молча подошёл и развернулся ко мне задницей. Ладно, понятно, я так же молча погладил его мосластый зад. Гесс удовлетворённо кряхтел и

поскуливал.

– Всё.

– И это всё?! Гладь меня всего!

– Не начинай. Скажи лучше, где моя одежда. Нам пора домой.

Верный пёс мотнул головой в сторону маленького шкафчика в палате. Я с наслаждением (морщась от боли) снял больничную пижаму и тапки, переодевшись в привычный армейский свитер, чёрные джинсы и высокие зимние ботинки со шнуровкой.

Игральная карта джокера по-прежнему лежала в нагрудном кармашке. Старенький, но вполне надёжный наган находился в той же кобуре на поясе. Правда, пустой, без единого патрона. Но если детально вспомнить всё, что с нами произошло в той драке с нечистью, то, наверное, и разряженный револьвер не вызовет лишних вопросов. Когда я закончил и взглянул на себя в маленькое зеркало при умывальнике, всё наконец-то встало на свои места.

Итак, Диоген мне в бочку, я не просто Тео, я – бесогон, ученик отца Пафнутия. Я помню всё и всех. Пусть я никому не пожелаю своей судьбы, но она моя. Мне со всем этим разбираться. Ни вам, ни Системе, никому, только мне. Лично мне, и без вариантов.

– Ну что, приятель, сваливаем?

– Лизь тебя!

– Дай лапку. – Я протянул Гессу игральную карту, и он, улыбнувшись во всю пасть (если такое возможно, а у доберманов возможно всё!), хлопнул по наглой и самодовольной физиономии джокера. Кажется, мы должны были перенестись в...

– От ить же, Пресвятая Богородица, Честная Христова Мать, так то ж, поди, Федька?! – распахнул мне навстречу медвежьи объятия могучий бородатый

старик с густыми суровыми бровями. – Живой от! И Геська, собачий сын, тута! От же радость-то, а?

Я узнал его. Сразу узнал, почему-то сердце ёкнуло от одной его улыбки. Это был тот самый человек – наставник, отец, учитель в самом высоком смысле этого слова. Я был бы готов умереть за него, и он так же, не задумываясь, отдал бы жизнь за нас с Гессом. Значит, это мой дом.

– Анчутка! От гляди-ка, кого до нашего от шалашу занесло. Сам от весь подранный, битый-перебитый, от боли-то зубами скрипит, но живой же, от бесогоново семя!

– Амиго! Но пасаран! Мон дье! Держи краба, камрад!

– Держу. – Я послушно пожал руку безрогого красавчика-брюнета с греческим профилем, прекрасно видя, что передо мной крупный бес. – А эта... как её... седая такая...

– Дашка-то? От внученька моя вчерась от уехала, – пожал широкими плечами бородатый старец. – Учёба, вишь, у неё. Колледж-то эмчезсовский опозданий не прощает, так от оно ж и правильно. Взялся учиться, учись! Куды ж ей от потом без диплома-то? А девиц-то... их от бесогонства я как гнал от, так и гнать буду! Не фиг от им тута делать, ага?

– Воистину, – несколько по-церковнославянски, но всё равно в тему ответил я. – Отче, поговорить бы наедине.

– Как Бог свят, надо, – перекрестился святой отец, но с места не сдвинулся. – Так ты уж садись-ка за стол, чаю от выпей да тут и спрашивай: чего от хотел-то, паря?

«Знать, что тут произошло, пока меня не было?!» – очень, очень хотелось заорать мне, но, надеюсь, до отца Пафнутия и так дошло. Он же у нас сам бывший военный, намёки и всяческие аллюзии ловит с полуслова. И если не всегда сразу способен всё мне объяснить, то, значит, у него на это явно есть вполне себе объективные причины.

Батюшка в очередной раз оказался прав. Я услышал глухое урчание в собственном животе и мгновенно вспомнил про лютый голод. Гесс танцующей балетной рысью убежал на кухню, откуда вернулся после непродолжительной борьбы с нечистым, унося в качестве трофея изрядный полукруг ливерной колбасы в зубах.

Передо мной поставили процеженный куриный бульон, хлеб с маслом, кусок пирога с капустой и крепкий чай. Не знаю, можно ли считать это больничной диетой, но я резко почувствовал готовность к выздоровлению! Анчутка повар от бога, если так можно сказать про беса.

- Ну, от теперь-то, покуда думаешь, чего спросить, сам-то давай рассказывай!

- Я мало что помню, отче. - Чай был слишком горячим, пусть постоит. - Мы попали в какой-то богатый особняк, там было целое логово нечистой силы, мы дрались, потом я пришёл в себя в больнице. Так что давайте сначала вы...

- Добро от, Федька, - качнул бородой отец Пафнутий, расправил усы, покосился на пустую чашку, но доливать не стал. - Не было ничего такого уж страшного-то, по чести от сказать, мы ж в танке! Дашка-то гашетку жмёт, от весь двор свинцом поливает, я тока от пару раз и пальнуть успел противопехотным, от фашисты и залегли все. А когда ты Якутянку-то увёл, так от черти словно бы засомневались от. А сомнения в бою штука-то опасная, сам знаешь...

Да, было такое. Мне приходилось видеть, как молодые ребята, полные романтизма в головах, отравленные либеральными идеями равенства всех людей и ценности каждой отдельно взятой жизни, опускали автоматы посреди боя, предлагая противнику сделать то же самое.

Не знаю, на что они всерьёз рассчитывали: типа возьмёмся за руки, помиримся, подружиться-выпьём, миру мир, конец войне?! На родину их тела доставляли с коробочкой медали поверх цинкового гроба, в бумагах, как правило, писали «пал смертью храбрых при исполнении воинского долга». Хоть какое-то утешение старым родителям. Но не мне их судить, эти парни не были трусами уж точно.

В общем, как продолжил мой наставник касательно недавних событий, рогатые фашисты из пекла восприняли отход Якутянки как некий знак мирного покровительства или компромисса с нашим партизанским отрядом. Такое не

редкость, такое бывает.

Возможно, они решили, что сверху (снизу!) дали приказ не дожимать, возможно, просто не ожидали с нашей стороны столь упорного сопротивления. Черти умны, сильны, упрямы, образованны и даже в чём-то элитарны, их трудно убить, но поэтому в массе своей они очень высокомерны, я не говорил? Именно это качество их порой и губит.

Бесов всегда в разы больше, они хуже организованны, вечно грызутся между собой, но зато они всегда ближе к простому человеку и лучше понимают, что же такое представляют собой люди. И те и другие наши извечные враги, просто подход к каждому разный. Фашисты организованно отступили, забрав павших и раненых.

Наш героический танк перепахал весь двор, разнёс половину забора и взбаламутил всё население. Да глупо было бы притворяться, что такая эпическая битва на краю села пройдёт незамеченной. Якутянка обеспечила некий прозрачный купол, благодаря которому ни одна пуля или осколок не ушли в сторону, это в её интересах, но полностью погасить все звуки конечно же не могла.

Меня действительно не было два дня, но Система предупредила, что я в клинике, чтоб никто не волновался. Хотя у наших и времени-то на это не было. За эти дни отец Пафнутий трижды вызывался в отделение полиции к сержанту Бельдыеву, один раз они даже вместе ездили в район. Во всех случаях дело и не пытались возбудить – ни участковому, ни районному начальству не хотелось выглядеть круглыми идиотами в суде.

Типа что зимние ночные стрельбы в Пияле затеяли черти-кошпеееры в форме злых фашистских оккупантов, а потом приехал православный батюшка на танке, всех спас! Теперь на минуточку представьте, какой нехилый хайп словили бы на этом «НТВ», МВД и РПЦ, вместе взятые? Одни обогатились бы, других расформировали, третьи наверняка бы открестились от всего!

В общем, всё закончилось, как всегда: «смотрите там у меня, ай-ай-ай, чтоб в последний раз, больше миндальничать не будем, закатаем по полной, ишь распоясались, думаете, кое-кому всё можно, только из уважения к вашим прошлым заслугам» и всё такое прочее.

Анчутку, кстати, даже никуда не вызывали ни разу. Задница Вольтерова, да у него, кажется, до сих пор никто внятно и документов попросить не удосужился! Вот как у нас такое возможно? Просто потому что он бес, красавчик и хорошо готовит?

Кстати, с момента завтрака прошло часа два...

– Что у нас на обед? – спросил я.

– Ох ты ж, паря-то, поди, опять голодный, – опомнился святой отец. – И так от вона скулы-то торчат с больничных харчей.

– Гав?! – с надеждой поднял морду доберман, чьи недавние разборки с ливером завершились полной его победой за какие-то полминуты.

– Да что ж от такое-то, и Геська бедный сидит от с утра не кормленный! Анчутка, где тебя черти носят?

– Айне минуте. – На широкий стол тут же легла свежая скатерть. – Дас ист сосисен унд колбасен! Варёный русский капуста, унд свёкла, унд майонезн, пюре ист картофель, кукурузен хлеб, копчёный бекон, баварский пиво. Ах, майн либе Августин, Августин, Августин... Битте шён!

На минуточку я вдруг подумал, что, пожалуй, за нашим шумным столом всё-таки не хватает беззаботного щебетания седой внучки. Но увы, увы, курсант-эмчеэсница Фруктовая уехала в Питер ещё вчера. Было жаль, что мне не удалось с ней попрощаться. Но, быть может, ещё свидимся, планета круглая, да и такая суперактивная девушка вряд ли сможет остаться незамеченной. Тем более что теперь она тоже видит бесов.

– Теперь от твоя очередь, паря, – примерно через часок потребовал отец Пафнутий, когда безрогий красавчик унёс все остатки со стола на кухню. – Согрелся, отъелся, вспомнил, что успел, так от и рассказывай-ка давай от, куда с Якутянкой-то ушли, где от тебя черти-то били? Анчутке-то слушать сие от не возбраняется?

Я подумал и кивнул. Учитывая, сколько времени провёл этот бес рядом с нами, как постоянно вписывался за нас, рисковал своей головой и сражался плечом к плечу... Если уж он не заслужил нашего абсолютного доверия, то хотя бы на толику мужского уважения претендовать всё-таки мог. Это честно.

Потом я рассказал всё в деталях. Как мы ехали с Якутянкой на авто, как попали в странный дом, полный нечисти, как из её рта со мной разговаривал некто, человек, демон, субстанция. Рассказал о возможном предательстве или двойной игре Дезмо, о том, что мне предложили выдать Марту как некий залог мира, о яростной драке, которая началась сразу же после переговоров.

Но я рассказал им только то, что можно. Поскольку некие определённые моменты ещё не были осознаны до конца мною самим, вываливать собственную недоваренную кашу в общую кастрюлю пока, наверное, не стоило. Гесс скромно лежал на полу у моих ног, на редкость ничего ни у кого не выпрашивая. Мирно грыз говяжью кость, просто чесал зубы, категорически ни во что не вмешиваясь, не уточняя детали и не добавляя от себя.

Если я правильно помню, из всех нас только отец Пафнутий до сих пор пребывает в уверенности, что собаки не разговаривают. Все остальные в курсе болтовни простодушного добермана. И всё-таки, глядя в его честные карие глаза, я понимал, что упускаю нечто важное и весомое, за что, возможно, потом мне всё же придётся держать ответ...

А так в целом мы провели в разговорах весь день, ну до ужина точно. Добрейшей души святой отец, осмотрев мои боевые травмы, лично перебинтовал левый локоть и счёл, что пара дней отдыха мне не повредит. В том плане, что на службу в Систему он меня не пустит, доклад начальству подождёт, а вот неприхотливыми домашними делами загрузит по маковку.

В частности, пока Гесс наслаждался вечерним променадом, я торчал в сарае, вновь маскируя дровами старенький танк. Наверное, стоило бы сказать «новый», в масле, с конвейера, на нём и муха не сидела, хотя произведена машина в прошлом веке. Где же он достал эдакую антикварную махину?

– Устал? – сунул холодный нос мне любопытный доберман.

– Нет, – откликнулся я, морщась от боли в боку, всё-таки по рёбрам меня приложили неслабо.

– Поиграй со мной.

– Гесс, ответь на один вопрос.

– Я тебя люблю! Ты мой друг! Ты самый лучший хозяин на свете! Лизь тебя? Я хороший?

– Ты замечательный. – Опустившись на одно колено, я обнял его за шею.

Мои пальцы случайно коснулись серебряного ошейника, и короткая боль уколола в затылок. Что будет, если я прямо сейчас сниму его с Гесса? Не знаю...

И не хочу знать. Не потому что боюсь, а потому что никогда больше не позволю себе потерять самого верного и преданного друга на свете. Если собаки чем-то и покоряют наши души, то в первую очередь тем, что в зубах приносят к нашим ногам свои же сердца. И кем бы ни был мой пёс, в первую очередь он мой. Всё!

– А какой вопрос?

– Да никакого.

– Тогда пошли играть.

Доберман взвился вверх, невероятным образом умудрившись лизнуть меня в щёку, закинув задние лапы за голову вбок, развернуться и дать два круга галопом по двору для чисто эмоциональной разрядки. Думаю, потом мы гонялись друг за дружкой по свежеснеженному снегу не менее получаса, я пешком, он всеми мыслимыми аллюрами, но вскоре на крыльцо вышел безрогий бес, поманив нас домой.

– Ты ведь не всё рассказал, амиго.

– Есть проблемы?

– Найд.

– А у меня были, и не хочется вновь напариваться на них без особой причины, – без улыбки ответил я, пытаюсь оттолкнуть его плечом. С равным успехом можно было бы попытаться сдвинуть с места бетонную опору моста. Анчутка очень сильный, куда сильнее, чем кажется при первом взгляде. – Кто тот человек или нечеловек, с которым я разговаривал через Якутянку?

– Хан.

– Это имя, типа Хан Соло, воровская кличка или реальный титул?

– На данный момент это всё, что я могу тебе сказать, камрад. И поверь, я сказал много больше, чем следовало. Ферштейн?

– Яволь, – вздохнул я.

Анчутка хмыкнул, показал длинный язык Гессу и пропустил нас в дом. Доберман, скидывая фуфайку в сени, предложил мне пойти и подержать беса, пока он тпнет его за мягкое. У Гесса добрая душа и открытое сердце, если ему кажется, что меня обижают, то обидчику всегда кирдык.

Надо не забыть поделиться с напарником вкусняшками за вечерним чаем. И это не благотворительность, он ведь всё равно по-любому выцыганит. Отец Пафнутий потрепал по загривку пса, неожиданно для всех отказался от чая с ватрушками и засел у себя в комнате с очередным увлекательным детективом – то ли Ю Несбё, то ли Оливер Пётч? Они оба хороши.

И это отнюдь не значит, что он так расслабляется, нет, скорее «недушеспасительное чтение» помогает святому отцу лучше думать. А признаем, что, учитывая эпический экшн наших последних приключений, подумать ему ох как было над чем.

Легли рано, спали ровно. Я имею в виду, что почти ничего особенного не произошло, если не считать...

Бэмс! Наверное, меньше чем через час меня разбудил удар тяжёлой собачьей лапы прямо по лбу.

– У тебя оранжевый бес на голове. Я его хлоп, а надо было кусь? Ну, извини собаченьку...

Оранжевый бес, говорите? Пока я пытался вспомнить, что бы это вообще вдруг значило, свет в глазах погас на мгновение. Я как раз только и успел вскочить, кутаясь в тёплое одеяло и сунув ноги в домашние тапки.

...В белом коридоре Системы дожидались своей очереди двое бесогонов... или бесобоев. Разница невелика и скорее относится к ситуационной этике – какую-то нечисть изгоняют, какую-то непременно бьют. С нами поздоровались, вежливо, но осторожно, один, толстяк в несвежей полицейской форме, даже перекрестился на всякий случай.

Лысина Сократова, да нас тут вечно считают то героями, то предателями, то революционерами. И кстати, во всех трёх случаях они немножечко правы.

– Тео и Гесс, верно? – деликатно заметил второй, в спортивном костюме бандюги а-ля девяностые, но с абсолютно интеллигентной манерой речи. – Не подумайте ничего плохого, господа, я как гражданин мира готов принять всё и вся. Но разве вас не убили во время последней операции по захвату логова Бурятки?

– Якутянки, – поправил я. – И не операции, а личной встречи, не логова, а бала, не убили, а лишь намеревались помучить. В остальном всё верно, это мы.

– Второй такой собаки в Системе нет, – важно подтвердил полицейский, ненавязчиво намекая, что уж вторых-третьих-четвертых и пятых ребят вроде меня тут на пятачок пучок!

– Следующий.

Гесс даже не успел дать лапку похвалившему его бесогону.

«Спортсмен» подмигнул нам и тихо спросил:

– Между нами, а вы, случайно, не в курсе, за что Марту уволили? Такая привлекательная девочка была, вся из себя образованная, культурная. Хотя и рыжая, конечно. Считается, что рыжие девушки плохо приспособлены к офисной рутине. Им подвиги подавай, коня, лук со стрелами...

– Марты нет? – обалдело вытаращился на меня мой пёс. – А кто погладит мой зад и даст вкусняшки?! Бросила собаченьку.

– Следующий.

– Господа, моё почтение, – бесобой быстро пожал мне руку и Гессу лапу, – будете в Калуге, милости прошу забегать! В наших пенатах есть такая уютенькая кафешка в центре, «Герои нашего времени». Спросите Константина или Толика, любой десерт за мой счёт!

Мы с Гессом привычно кивнули. Как помнится, нас тут частенько куда-нибудь приглашали, и чаще всего вот так на скаку, без записи нормального адреса и обмена телефонами. Понятия не имею, когда и каким боком коварная судьба закинет нас в этот старинный русский городок, но если даже и да, то, скорее всего, мы там по-любому бесогонить будем, а не бегать по местным кафешкам в поисках всяких там Константинов-Толиков.

– Следующий, – пригласил нас механический голос.

Я поплотнее запахнул на себе одеяло, свистнул добермана и толкнул дверь.

В кабинете за рабочим столом перед открытым ноутбуком сидел тощий чёрный ангел в костюме-тройке, прилизанный пробор на его голове можно было проверять линейкой. Хоть какое-то подобие улыбки на постном лице, наверное, можно было бы увидеть, лишь когда меня будут прилюдно и торжественно жечь на площади в Мадриде, как колдуна или еретика.

– Явились, клоуны?

– Кто обзывается, тот сам на себя называется, – опережая меня, детской скороговоркой ответил мой пёс.

Дезмо только покачал головой, устало поправляя душащий его галстук.

– Фёдор Фролов и доберман Гесс, вот официальное уведомление о вашем увольнении из Системы. Формулировка – «по собственному желанию». Так решило начальство, лично я бы инкриминировал вам раскачивание лодки, предательство, измену, сношения с врагом, продажу души нечистому, провокации и вербовку других бесогонов с целью уничтожения самой Системы изнутри.

– Где Марта? – спросил я, забирая бумагу с приказом.

– Её тоже уволили, – честно глядя мне в глаза, ответил Дезмо.

– Пошли, дружище. – Я хлопнул Гесса по холке. – Здесь нам больше делать нечего.

Пёс опустил морду едва ли не до пола, поскулил, но послушно развернулся на выход.

– Эй. – Чёрный ангел остановил меня.

Я всегда говорю «чёрный», но это из-за цвета его крыльев, так-то он не негр. Хотя, наверное, где-нибудь на Западе не прошла бы такая длинная история без единого темнокожего героя хоть бы и третьего-четвёртого плана. Типа это расизм, да? Плевать, у нас Бельдыев есть, а он башкир...

– Это тебе от Марты. Я дал слово. – Не поднимаясь с кресла, он протянул нам белый запечатанный конверт без подписи.

Доберман резко сделал поворот оверштаг, крутанувшись на задних лапах, ловко цапнул конверт зубами и передал его мне. Сердечно прощаться не стали, благодарить тоже, в конце концов, нас же отсюда выперли. И, как я понимаю, без объяснений и выходного пособия.

– Карту? – обернулся ко мне Гесс.

«Джокер остался дома в кармане свитера», – не успел подумать я, как мы оказались дома.

Ну хоть на этом спасибо, технические службы Системы по-прежнему работают безотказно, в этом смысле честь им и хвала.

...Мы стояли у моей кровати, которая после отъезда курсантки Фруктовой вновь стала моей. В доме было тихо, никто не проснулся, и наше возвращение, как и исчезновение, вроде бы прошло незамеченным. Верный доберман беззаботно зевнул во всю пасть, помахал мне обрубок хвоста и отправился досыпать на своё место. Даже спокойной ночи мне не пожелал, скотина эдакая. Хотя при желании и мог бы.

Впрочем, к последнему я отнёсся философски, тихо щёлкнул переключателем ночника и вскрыл конверт. Да, вот так просто, хотя, конечно, это нарушало все мыслимые традиции. Всё следовало делать иначе. Как всякий нормальный гот я был обязан прочесть прощальное письмо моей девушки именно ночью, при свете луны и звёзд, едва сдерживая скупые слёзы и кусая губы!

Так принято в нашей среде. Но Марта не была готессой, да и назвать её «моей» девушкой было пока слишком самонадеянно. Мы оба стремились к отношениям, но ни мне, ни ей просто не позволяли сделать очередной шаг навстречу. То работа, то бесы, то чёрный ангел, то местные проблемы, то черти, то Якутянка, то... Сколько ж так можно?!

С другой стороны, как философ, наоборот, я мог вообще не вскрывать этот конверт, давая самому себе болезненно-сладостную возможность мыслью растечься по древу. В этом смысле письмо даже не нужно читать, его достаточно самому себе просто придумать и не в одной, а минимум в трёх и более прямо противоположных версиях. К примеру, в лирической, криминальной, драматической, любовной, комической, наркотической, сентиментальной, матерной, бессмысленной, ну и так далее согласно вольно продолжаемому списку.

Да лысина Сократова, всё было не так! Разумеется, ничего ждать и придумывать я не стал, а вскрыл конверт, достав сложенный вчетверо лист бумаги. У Марты был округлый, красивый почерк отличницы. Которым, собственно говоря, было написано всего одно слово: «Прости».

Ниже вместо подписи прилагался отпечаток её губ красной помадой. Коротко, внятно, эффектно, и, самое главное, мечтательно философствовать по этому поводу теперь можно хоть до утра.

Как ни странно, с этими мыслями я очень быстро уснул. Был момент, когда, перед тем как сунуть письмо под подушку, я вдруг захотел поцеловать оттиск её губ, но, хвала Розанову и Кафке, отпустило. Сон накрыл меня сразу, а вот сновидений как таковых, кажется, не было, по крайней мере, я их не помню.

Утром встал сам, довольно бодро, несмотря на колющую боль в боку и левом локте. Переломы рёбер страшны лишь тем, что осколок может поранить печень, лёгкие или другие важные органы. Но, со слов отца Пафнутия, у меня вроде бы лишь пара-тройка серьёзных трещин, значит, достаточно просто бинтовать и не перегружать организм тяжестями. Непонятно, конечно, чего так долго меня проверяли врачи? Ну и бог с ним, заживёт само, главное – перетерпеть.

Оделся я тоже сам, слегка морщась, но в принципе без проблем. Выгул Гесса также прошёл без скрипа по тысячу раз отработанной и утверждённой им же программе. Беззаботный пёс даже не поинтересовался, а что же там было в том запечатанном письме, которое нам вручили в офисе вместе с приказом об увольнении из Системы.

Да и кто для него Марта? Просто рыжая девушка за ноутбуком, раздающая нам задания, глядящая его между ушей, приносящая зефирки и печеньки, а также отвлекающая меня от нашей с ним мужской дружбы. Он быстро её забудет, а я нет.

За завтраком отец Пафнутий, нацепив на нос очки, внимательнейшим образом ознакомился с бумагой, проверил печати и подписи неизвестных мне начальственных лиц, сурово крякнул, огладил бороду и, скомкав приказ, одним широким броском отправил его в растопленную печку.

– От же бюрократы-то безмозглые, прости их господи! Тут от готовишь, готовишь парня-то, опыт свой передаёшь, учишь от его, специалистом делаешь, а они от и кладут на тебя с прибором! Так и что ж, от сам, стало быть, виноват-то, Федька! Говорил от я тебе или нет? Говорил же!

– Все мы всегда что-нибудь говорим. Поконкретнее можно?

– Чтоб ты от с той девицей-то шуры-муры свои заканчивал! Не доведут от бабы-то до добра, энто от тебе все святые старцы-то в любом монастыре скажут.

– Я не монах.

– Молчи уж! От он же мало того что (грех на мне, Боже!) с той рыжей связался, так ещё и Якутянку-то чернявую до нашего села затащил! А разборчивый-то какой? Одна-то, вишь от, у него ангел с крыльями, другая от демон с рогами!

– Нет у неё рогов.

– Сам от знаю, не перечь! – вконец разошёлся батюшка.

Его можно понять, он действительно угрохал на меня кучу сил и времени, а вместо блестящей карьеры бесогона меня без объяснений турнули из Системы коленом под зад. Для него как для учителя и наставника это конечно же большой удар по самолюбию.

– Каша гречневая на молоке с маслом, мёдом, сахаром и кислой клюковкою, – торжественно объявил красавец Анчутка, решительно вступая меж нами с горячим котелком. – До той каши дозвольте подать ветчинку говяжью нарезную, чёрный хлеб с чесночком, ещё солёное сальце под рябиновую настоечку! Уж не побрезгуйте-с!

Безрогий бес отлично знал свои обязанности, волшебный аромат накрыл всю кухню. Отец Пафнутий ворча сдулся, перекрестил еду, прочёл короткую молитву и жестом пригласил всех оттрапезничать. Всех – это, собственно, нас двоих, меня с доbermanом.

Анчутка свои сухарики, или что там у него оставалось, благословлять не позволял, ему ж потом оно поперёк глотки встанет. Он бес, таковым и останется, ни в человека, ни в ангела ему перевоплотиться не суждено. Да он вроде и сам не горит желанием. Скорее всего, ему даже в чём-то нравится у нас, он получает тут бесценный опыт сотрудничества с бесобоями, так сказать, изнутри, потом, наверное, книгу на эту тему писать будет.

– Ладно, паря, прости от старого дурака.

– Бог простит, отче.

– С Богом-то я сам говорить буду, а ты прости!

Хорошо чувствуя напряжение в его голосе, я поспешно простил святого отца, своего учителя и наставника, одновременно попросив на всякий случай прощения и у него. Не важно за что, всегда за что-нибудь да найдётся. И кстати, правильно сделал.

– Прощаю от, паря, со всем смирением прощаю. Так что ж теперь, собирайся-ка, в храм от пойдём. Мне-то службу служить, а тебе об здоровье, скорейшем от выздоровлении-то, да от ещё б и о вразумлении умственном Господа нашего просить надобно. Собирайся от, паря!

Тоже верно, ведь если вспомнить, так моя первостепенная задача – это быть скромным послушником при Воскресенском храме, а уж бесогонить меня отец Пафнутий научил в качестве, так сказать, второй профессии. И да, он тысячу раз прав, всем нам о спасении собственной души думать надо, а не о том, где, когда и как веселее бесов гонять. К тому же запах ладана и дружное псалмопение невинных бабулек у алтаря реально выбивает из головы все мирские мысли.

Марта написала мне короткое «прости», но, наверное, просто забыла добавить «прощай». Что ж, видимо, это слово нужно произнести именно мне? Если так, значит, так...

Воскресенский православный храм от момента строительства и по сей день является главной достопримечательностью села Пияла. Пять куполов, высокая пирамидальная постройка, сплошь дерево без единого гвоздя, более поздний пристрой, крытый белой жостью, плюс невероятное ощущение тишины и покоя, сошедшего на эти потемневшие православные кресты.

Почему-то именно здесь, на исконном русском Севере, незримое присутствие Бога в душе каждого человека, в глазах какого-либо зверя, в дуновении всякого ветра и наклоне любой былинки ощущается совершенно иначе, чем на богатом и щедром юге. Да, где-то там далеко стоят столичные города, высятся белокаменные золотые храмы и людям не приходится пробивать себе путь к церкви по двухметровому слою снега. Прийти и помолиться здесь всегда легко.

Плохо ли это? Нет, хорошо!

Но тем не менее в неизбывной милости своей Господь обращает свой взор и на такие вот крохотные, забытые всеми места, благословляя с высоты небесного престола деревянный храм тихой Пиялы. Наши холода, наш труд, нашу любовь к своей земле...

Работа прислужника не особенно тяжела и уж тем более не сопряжена с какими-то особыми моральными тяготами. Обычное дело – подай, принеси, убери, не мешайся под ногами, стой в углу, беги сюда, на тащи, клади аккуратно, говори тихо, молчи в тряпочку. Послушание есть основа основ добродетели человека в церкви. Подчинение тела душе. Смирение. Именно этому я приехал учиться.

Весь день, без перерыва на обед, почти до восемнадцати часов вечера, мы провели в требах, службах, молитвах, пениях, возжигании свечей перед иконами и окурировании ладаном как немногочисленных прихожан, так и полуоблупившихся настенных росписей нашего старенького храма. Мне даже как-то удалось практически отключить голову, полностью погрузившись в свои нехитрые прямые обязанности.

Потом батюшка ещё какое-то время беседовал с местными жителями, терпеливо принимая их ворчание на местные власти, претензии к супругам или детям, а ещё жалобы на соседей, врачей, здоровье, погоду, телевидение... да и всё такое в целом. Меня лично такие вещи скорее бесят, но отец Пафнутий выслушивал всё с каменным лицом римского стоика или игрока в покер.

– А вот соседка-то говорит, что мой от к бабке Мане ходит. Чё от он там забыл-то? Ей уж под сто лет, чё она ему дать-то может, от карга беззубая? Нешто как раз беззубая и может...

– Чую, идёт! А кто? Не знаю. Но ко мне. И я ему эдак-то тихонечко из-за забора как шандарахну поленом по зубам! Он и брык! Какую молитву прочесть, шоб не посадили-то, ась?

– Бабка моя от говорит, что в телевизоре видела деда, которому за девяносто, а он... огурец! Я ей говорю от, дескать, давай, чё, вдруг и у меня... огурец? А она – «эдак чё-то не хочу», романтику ей подавай, за амбаром, говорит... Дак зима ж! Чё, коли от примёрзнем с... огурцом-то, а?! Я к тому, чё, может, бабку

мою в святую от воду башкой макнуть. Поможет ли, чё ли?

Нет, не подумайте, будто бы у нас тут, на Севере, народ озабоченный или что это я вам специально такие моменты подбираю. Люди у нас простые, что на уме, то и на языке, фамильярность от субординации нипочём не отличают. Но, с другой стороны, и за спиной у вас тоже ничего говорить не станут из того, что не посмели б прямым текстом вылепить вам в лицо. Согласитесь, это тоже по-своему правильно и Декарт мне в печень, но таки заслуживает уважения.

– А как от муж-то от ней в город от сбежал, так Надюха-то наша каждую ночь стонет! Тока не жалостливо, как от баба в горести, а эдак-то «ох!.. ох!.. о-о-оу!». Мать Божья, от пресвятые угодники, как сказать-то... Вроде как от удовлетворение она с того получает. Может, над ней-то надобно какую от ни есть молитву спасительную прочесть? Ить сгорит девка. Под семьдесят кило от была, справная, гладкая, а стала-то худее на треть.

– Причастие принимала ли?

– Нет, батюшка. Она от и церкви-то чурается, ровно басурманка какая. Чё ж делать-то, а?

– Бесы в ей, сильные, – уверенно кивнул отец Пафнутий. – Ввечеру от зайду, отмолим.

Я, пожав плечами, отвернулся в сторону. Не моё дело, конечно, но иногда мне кажется, что мы слишком многое списываем на нечистую силу. Нехватка молодёжи на селе, а также вообще трудоспособных мужчин репродуктивного возраста, их естественный переезд в большие города ради заработка и лучших условий жизни вряд ли стоит считать активными происками тех же бесов.

Умирующие или обезлюдившие деревни – это даже далеко не наша российская, а давно уже общемировая проблема. Но батюшка всегда прав, на то он и батюшка. Пастырь бережёт своё стадо молитвой и словом Божьим, но когда волки наглеют, то, не раздумывая, берётся за ружьё. Сходим, посмотрим, проверим, если там есть какая-то нечисть – изгоним, делов-то.

Перед закрытием храма отец Пафнутий поманил меня пальцем:

– От слыхал, поди, Федька? Домой-то не идём, сперва нам от беса из Надежды Кармухиной изгнать от надобно.

– Вообще-то там не обязательно бес. – Я смущённо прокашлялся в кулак, наставник у нас, конечно, человек прогрессивный, но всё-таки...

– Ты от мне-то голову не морочь! Доктор тут нашёлся. А то ж от я не знаю, почему одинокие бабы-то ночами стонут?! Да тока всё едино, проверить-то мы от должны. Кто у нас бесогон-то?

– Вы.

– Не, не угадал, я-то есть отец настоятель при храме Воскресенском. А от бесогонить – дело молодых, так-то и не спорь, паря. Одевайся по-быстрому, пошли! Чуйка у меня, от сам, поди, знаешь.

Ха, да Диоген мне в бочку, я что, против, что ли? Идём! Только вот револьвера у меня нет, святой воды на всякий пожарный наберу, мат всегда в голове, основные комбинации из пяти-шести слов я помню. Что же ещё? Молитвы, разумеется, именно ими в первую очередь и изгоняются все тёмные духи низшего уровня, в простонародье именуемые бесами.

Мы покинули церковь уже где-то ближе к восьми часам вечера. Отец Пафнутий собственноручно закрыл храм на замок, прочтя соответствующие молитвы и убрав ключ поглубже в карман штанов под рясой. В общем, как вы уже наверняка поняли, несмотря на позднее время, мы пошли бесогонить.

Учитывая, что Пияла небольшое село отнюдь не районного масштаба, кто где проживает из местных, отлично знали все. Батюшке даже не потребовалось уточнять адрес – гражданка Кармухина была прописана в одной из четырёх пятиэтажек на рабочем краю села. Считалось, что эти дома строились под молодых энтузиастов из столичных вузов, но они как-то быстро включили голову, предпочтя реализовать свой потенциал за границей России, а не в её заснеженных провинциях.

– Святую от воду-то взял?

– Так точно.

– Перстень от серебряный у тебя ли?

– Само собой.

– Молитвы-то наизусть помнишь?

– Помню, отче.

– А наган, наган-то забыл!

– Я и не брал его с собой, мы же в церковь шли. Да в кого мне стрелять-то, в несчастную женщину, стонущую по ночам?

– Дерзишь от, паря, – наконец-то догадался отец Пафнутий. – Из-за девицы своей рыжей с ума-то сходишь? Понимаю, сам от молодым был, да тока глупостями-то всякими делу не поможешь. Хочешь от, чтоб назад в Систему взяли?

– Без Марты не хочу. А её тоже уволили.

– А ты от во всём хорошее ищи! Уволили, так, стало быть, от свободна она, – подмигнул мне батюшка. – Адресок-то срисовать не догадался? Ну да от с этим я тебе помогу, бывших бесогонов-то не бывает, дружбу от мы все держим. И коли краса-то твоя хоть от месяц в той Системе отработала, так уж, поди, не потеряется. Держи от, Федька, хвост пистолетом!

Странная поговорка, ни у одной собаки хвост не похож на пистолет, но какой же филолог рискнёт лезть со своими книжными знаниями в живую народную речь? И тем не менее от слов моего наставника на душе действительно стало чуточку легче. Не знаю, как это объяснить...

Я ведь никогда не думал всерьёз, что могу потерять Марту. Согласитесь, трудно терять то, чем в принципе и не обладаешь? Вот именно. А что связывает меня с этой белокрылой ренуаровской красавицей с пылкими перепадами настроения, ругающейся едва ли не матом, но заботливо приберегающей всяческие сласти для моего нахального пса? По факту лишь короткие встречи перед работой по

изгнанию всяческой нечисти. Было ли меж нами нечто большее?

Может, и так, спросим у Гесса, который, кстати, сейчас сидит дома в тепле, терроризирует нашего безрогого красавчика и скучает, потому что его с собой не взяли. Вот это, между прочим, тоже неправильно. В церкви собаке делать нечего, это факт, отражающий древнехристианскую традицию. Но в плане покусания всяческих бесов мой ретивый доберман самый лучший напарник на свете, о каком можно было бы только мечтать.

– О чём задумался-то, паря? – неожиданно спросил меня святой отец. – Дошли от, слава богу...

Последние два слова – это почти обязательная присказка, если можно так выразиться. Любой верующий человек должен знать, что всё, происходящее с ним в этом мире, вершится по воле Божьей. Поэтому благодарить за всё и всегда следует именно Всевышнего.

И в радости, и в горе, даже когда нам не дано понять Его промысел; всегда и везде, когда тебя ведёт по жизни вера, ты не останешься один и не впадёшь в отчаяние. Кто-то из святых отцов сказал: «чаю Господнего принятия душой!» И сие верно! А вот «отчаяние» означает отрицание того самого чаяния присутствия Бога...

Разумеется, как современный философ я просто обязан во всём сомневаться, но в данном случае казалось, что «слава богу», произнесенное наставником, очень к месту.

– Второй этаж от. Стучи, паря.

Видимо, я слишком далеко ушёл в свои мысли. Дверного звонка не было, вместо него торчали два перемотанных синей заскорузлой изоляцией провода.

– Тук, тук! Вы не верите в Бога? Тогда мы идём к вам, – громко пропел я.

– Федька, заткнись от, не срами меня перед прихожанами, – прошипел батюшка, отвечивая мне воспитательный подзатыльник. Никаких обид, мы оба понимали, что делали, почему, зачем и каковы будут последствия. Я нарывался, он

реагировал, но всем же весело, правда?

На стук отозвались не сразу, нам пришлось повторять минимум два раза. Дверь открыла приятная моложавая женщина где-то слегка под сорок, явно ухаживающая за собой и знающая себе цену. Крашенные красной хной волосы, длинный махровый халат с шикарным декольте, устало-томный взгляд синих глаз и блуждающая полуулыбка на пухлых губах. Да, вот такие зрелые красавицы встречаются у нас в сёлах, русский Север богат неразбуженными самоцветами...

- Бог в помощь, Надежда, - уважительно прогудел батюшка, с трудом отводя взгляд от глубокой ложбинки между двух белых холмов.

- Отец Пафнутий, вы? Так чё ж от на пороге стоять, - неспешно засуетилась хозяйка. - Такие гости, проходите от на кухню или в спален... ой!

- Фёдка, давай от! - подтолкнул меня в спину наставник, плавно уходя в сторону ароматно пахнущей пирожками кухни, а меня направляя прямо лоб в лоб на гражданку Кармухину.

- Чёй-то не поняла я, чё ему давать-то? - засмушалась она, старательно одёргивая подол, но тем больше обнажая пышную грудь.

- Отче наш, Иже еси на небесех! - подняв палец вверх, настоятельно напомнил я. - Да святится имя Твоё, да приидет Царствие Твоё... и ныне, и присно, и во веки веков.

- Дык... от... аминь, чё ли?

- Аминь, - согласился я, проходя за хозяйкой через гостиную в небольшую полутёмную и от того крайне уютную спальню.

Не уверен, что она и я, мы оба, абсолютно адекватно осознавали происходящее, но стоило мне войти, как дверь за спиной захлопнулась. Я обернулся - позади меня стояли четыре здоровенных мускулистых беса. Чернокожие, гладкие, с африканскими (не путать с афроамериканцами!) чертами морд, презрительными взглядами и массивными кулаками.

Четверо на одного? Хм, это ещё не худший расклад. Худшее было впереди.

– О, бесогон? Надо же, кого к нам занесло... – глухим, совершенно чужим голосом простонала гражданка Кармухина. – Раздевайся. Ложись, раз пришёл.

Я уже не пытался как-то там ответить или прожечь их полным праведного христианского гнева взглядом. Просто перекрестился, а красавицу Надежду вдруг реально начало колбасить прямо на кровати. Во-первых, она вспрыгнула на неё, не снимая тапочек, а во-вторых, следом начала раскачиваться в ритме только ей слышимой музыки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/andrey-belyanin/besogon-na-vzvode>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)